

А.Г. Шешкен

**Милослав Бабович: жизнь и судьба.
Воспоминания о войне партизана,
переводчика русской классики, ученого,
Почетного доктора МГУ имени М.В. Ломоносова**

Аннотация: В зарубежных славянских литературах последнего десятилетия значительное место принадлежит документальным жанрам. Сербская документальная проза сосредоточена на описании переломных событий XX в. в собственной стране, пытается понять их причины, значение и последствия. Она ценна как субъективное, но достоверное свидетельство о судьбе народа и отдельного человека. Невыдуманная история конкретной личности предстает как яркое повествование о полном драматическими событиями времени. Ярким образцом документального жанра являются воспоминания М. Бабовича (1921–1997) «Время и судьбы» (2004). Изданная посмертно книга раскрывает незаурядное литературное дарование этого известного исследователя и переводчика русской классики XIX–XX вв. (Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, М. Шолохова, Л. Леонова, Б. Пастернака и др.).

В основу воспоминаний, над которыми автор работал последние семь лет жизни, легли его старые дневниковые записи, относящиеся к 1943 г., когда М. Бабович воевал в рядах партизанской армии Югославии. Наиболее яркие события и встречи он продолжил записывать всю жизнь. Это история жизни человека, индивидуальная судьба которого была частью судьбы страны, выбравшей в 1945–1991 гг. социалистический путь развития.

М. Бабович прожил длинную и интересную жизнь. Он родился и вырос в Черногории, увлекся идеями социальной справедливости, участвовал в борьбе против фашизма, был узником лагеря, после войны получил университетское образование и вошел в круг интеллектуальной элиты своей страны. Его труды о Ф. Достоевском принесли ему авторитет и признание за рубежом. Именно масштаб личности Бабовича, его глубокая погруженность в русскую и национальную литературную ситуацию определяют ценность опублико-

ванных воспоминаний. Прилагается перевод несколько отрывков, в которых автор рассказывает о первых встречах с солдатами русской армии, освобождавшей Югославию осенью 1944 г.

Ключевые слова: русская литература, сербская литература, документальная проза, воспоминания, М. Бабович, Вторая мировая война, партизанское движение Югославии

Abstract: The foreign Slavic literatures of the last decade attach importance to documentary genres. Serbian documentary prose gives the description of the crucial events of the XXth century, tries to explain their causes, meaning and to predict consequences. There personal and national destinies are presented not only as reflection in the one soul, but as common for all. True story of concrete person acquires the features of a bright story about the dramatic events that time. Memories of M. Babovic (1921–1997) – «Time and Destiny» (2004) – is a striking example of the documentary genre. Posthumously published book reveals the outstanding literary talent of well-known researcher and translator of Russian classics XIX–XX centuries (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Sholokhov, Leonov, Boris Pasternak and others).

The old diaries are the basis of memories which the author was writing during the last seven years of his life. The memories relate to 1943, when M. Babovic fought in the ranks of the guerrilla army of Yugoslavia. The most interesting events and meetings he continued to record a lifetime. We have the story of human life, whose fate was part of the destiny of the country which made a choice in 1945–1991 biennium. in favour of socialist path of development.

M. Babovic lived a long and interesting life. He was born and raised in Montenegro, became interested in the ideas of social justice, participated in the struggle against fascism, he was a prisoner of the camp, after the war received a university education and entered the circle of the intellectual elite of the country. His studies on Dostoevsky brought him authority and recognition abroad. The power of the individuality of Babovic, his sincere interest to Russian national literature and an intimate knowledge of the literary process add the particular value of the published memoirs. In addition to the article there is the translation of a few passages in which the author told about his first meeting with the soldiers of the Russian army that liberated Yugoslavia in the autumn of 1944.

Key words: Russian literature, Serbian literature, documentary prose, memoirs, M. Babovic, World War II, partisan movement of Yugoslavia

Милосав Бабович (1921–1997) – выдающийся сербский и черногорский ученый, яркий представитель Белградской школы литературоведческой русистики. Научный авторитет и международное признание ему принесли исследования русской литературной классики (Ф. Достоевского, Л.Н. Толсто-

го, А. Чехова, А. Блока, М. Шолохова, Б. Пастернака, Л. Леонова и др.). Благодаря его самоотверженному труду, тонкому чутью исследователя и таланту переводчика сербский читатель смог узнать и полюбить произведения классиков литературы XIX–XX вв. Достаточно назвать лишь некоторые из них: «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстого, повести и драмы А. Чехова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Вор» и «Русский лес» Л. Леонова, «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга. М. Бабович был редактором изданных на сербском языке собраний сочинений Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Шолохова, Л. Леонова. Его научные труды неоднократно публиковались в России, например по такому дискуссионному вопросу, как анализ легенды о «Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского¹.

М. Бабович – автор фундаментальных исследований «Достоевский у сербов» (1961) и «Творчество Достоевского» (1981). В работе «Творчество Достоевского» ученый обобщил свои многолетние наблюдения о прозе писателя, эволюции его творчества, художественных особенностях важнейших его романов, от первой книги «Бедные люди» до «Братьев Карамазовых», которые он считает вершиной творчества писателя. Под редакцией М. Бабовича было издано 12-томное собрание сочинений А. Чехова (1981) на сербском языке с обширным комментарием и предисловием монографического характера о драме и новеллистике писателя². Университетский профессор, М. Бабович опубликовал учебник по русской классической литературе «Русские реалисты XX века» (Т. I. 1971; Т. II. 1983).

За популяризацию у себя на родине русской литературы и вклад в изучение русской культуры М. Бабович был удостоен государственной награды России – Медали имени Пушкина и звания Почетного доктора МГУ имени М.В. Ломоносова (1991). В речи, произнесенной на церемонии вручения диплома Почетного доктора МГУ, он сказал: «Все, что я делал в сфере русистики, я делал, очарованный всемирностью духа русского народа, величием его подвижнической истории и неподражаемым искусством “святой русской литературы”, как называл ее Томас Манн. Изучение творчества Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова постоянно приводило меня к выводу о богатстве, подаренном русским гением мировой литературе. В своих книгах, статьях и лекциях я старался донести эти свои мысли до слушателей и читателей». Затем он добавил: «У меня была трудная жизнь, но ее постоянно озаряло духовное богатство профессии, общение с великанами мысли и чародеями русского слова».

О своей нелегкой судьбе Милосав Бабович написал в книге воспоминаний «Время и судьбы» (2004). Она была опубликована посмертно. В ней яркий и оригинальный исследователь, обладавший тонким художественным

¹ См.: *Бабович М.* Поэма «Великий инквизитор» // Русская литература. 1984. № 2. С. 74–93..

² *Babović M.* Pripovetka i drama A.P. Čehova // Čehov A.P. Sabrana dela. T. 1–2. T. 1. Beograd, 1981. S. 8–106.

вкусом, М. Бабович¹ предстает в новой ипостаси – как человек, обладавший писательским дарованием. Свои воспоминания он начал писать в 1990 г., в возрасте, когда для человека естественно осмыслить прожитую жизнь. В основу книги были положены старые дневниковые записи, которые автор стал вести с 1943 г. под названием «Дневник коневода», сражаясь в партизанской армии Югославии. Привычка фиксировать на бумаге впечатления сохранилась у М. Бабовича на всю жизнь. По жанру воспоминания близки к размышлениям «о времени и о себе», наблюдениям «о людях, годах и жизни». Это понятно, если иметь в виду профессиональный интерес и личные пристрастия М. Бабовича. Перед читателем разворачивается история жизни человека, его индивидуальная судьба, тесно связанная с судьбой целого поколения и страны, пытавшейся создать общество социальной справедливости. Автор прожил длинную и интересную жизнь. Рожденный в Черногории в бедной трудолюбивой крестьянской семье, он участвовал в борьбе против фашизма, затем был узником лагеря, после войны получил университетское образование и вошел в круг интеллектуальной элиты своей страны. Именно масштаб личности Бабовича, его глубокая погруженность в русскую и национальную литературную ситуацию определяют ценность опубликованных воспоминаний. Он был непосредственным участником всех главных событий истории народа. Читатель получает возможность узнать, как сильно изменился быт и образ жизни черногорского крестьянства, как преобразилась столица страны – Белград, какие изменения произошли в сфере образования и университетской среде, как непросто в разные годы складывалась судьба русистики как научного направления. Кроме того, в книге много ценных свидетельств и наблюдений о таких крупных черногорских, сербских и русских писателях, как М. Шолохов, Л. Леонов, К. Симонов, А. Бек, Р. Рождественский, Р. Зогович, Д. Максимович, М. Лалич. С последним М. Бабовича связывала тесная дружба и время, проведенное в лагере для военнопленных «Павлос Мелас» в Греции (1943 – начало 1944).

В предисловии к изданию В. Вулетич, друг и коллега автора, выделяет такую черту его книги, как абсолютная искренность и «пристрастность» в отстаивании своей точки зрения, что для талантливого писателя является богатым источником творческого вдохновения. Исповедальность тона, автобиографичность и непосредственность свидетельства очевидца убеждают читателя в подлинности повествования. Постепенно проступает незаурядная личность автора, с ярко выраженным чувством верности традициям своего народа, негибкая твердость в отстаивании своих убеждений, чести и достоинства, преданности делу. Особое очарование тексту придает использование (прежде всего в части, касающейся детства и юности) лексики местного черногорского диалекта. Повествование оживляют многочислен-

---

¹ *Бабовић М.* Време и судбине: В 2 т. Београд, 2004. Воспоминания составили четыре написанные от руки тетради и записки, содержащие впечатления о путешествиях и встречах с писателями. Для печати их подготовили вдова писателя Стоянка Бабович и издатель Милия Чавич. Здесь и далее цитируется это издание; в скобках указаны номера страниц. – А. Г.

ные диалоги, портреты, описания природы. В части первой «Племя с берегов Лима» много ценных для современного читателя бытовых деталей и подробностей об образе жизни черногорцев уже почти столетней давности. Автор, например, пишет, что его «мать родила в кустарнике, над домом. Она стеснялась рожать в доме... Возможно, терновые колючки стали символическим знаком моего жизненного пути... Брат Райко утверждает, что я не был крещен. Поп Йован Попович, кум Вука Баич и дядя Радоня напились и забыли завершить свое дело» (15). Представление о мире природы тоже формировались на основе народных верований и традиции: «Мне казалось, что вода стала холоднее, хотя до Преображения было еще две недели. А на Преображение преобразается и лес, и вода – все. Так мама говорила. И я этому верил» (33). В раннем детстве мальчик получил представление о социальном неравенстве: «Это братство было богатым. Так я слышал от домашних... Дома у них были каменные. “Башни”. Белые... и окна были большие. Солнце садилось, и стекло на одном из окон так сверкало красным, как будто в доме что-то загорелось... На пороге сидели какие-то люди. Все хорошо одетые. Как будто не буден день». А «лицо отца было черным от солнца. Рубаха мокрой от пота, штаны в заплатах. Опанки старые и пыльные. А я был вообще босым. Мне стало так больно, что отец не одет так, как старик, которого звали Зария» (30).

Жизнь человека в Черногории еще не так давно была подчинена обычаям, регламентирована ими, а человек был неотъемлемой частью коллектива – племени и братства. Это и сейчас немаловажно для жизни Черногории и менталитета черногорцев. М. Бабович принадлежал к племени Васоевичей. Он описывает характерные для балканских славян сохранившиеся старинные обычаи. «Пасхальный сбор у племени Васоевичей был остатком не только племенной жизни, но и язычества. У Будимле он проводился на кладбище около развалин старой церкви. На западной стороне вытопанного неправильного прямоугольника земли были выложены камни в форме овала. Здесь во время схода собиралось наше братство... сидели самые уважаемые его представители... Семьи приносили с собой печеных кур, ягнят, пироги, сыр, вареные яйца... Ракия была у всех... приносили бутылки, плетеные фляги, бочонки... Парни и девчата отплясывали в саду, где хороводы кружились без остановки... Братство разговаривало, жевало, хохотало, пило, перекликалось весело или задиристо с соседями... Опершиися на могильные кресты предков, опоенные весной и весельем, разогретые вином, не думая ни о том, что было вчера, ни о том, что будет завтра, люди проводили сбор, после долгого великого поста сладко ели и пили... и были настоящим братством. Мне казалось, не только с живыми, но и с покойниками» (51).

К таким описаниям примыкает упоминание о традиции бытования народных песен, которые пели под аккомпанемент балканского варианта гуслей, об известных в то время исполнителях-гуслярах, в числе которых был родственник автора: «Было удивительно, какую гамму звуков он мог извлечь из натянутых лошадиных волос и вибрации растянутой козлиной кожи... Первые

звуки заполняли тишину комнаты. И душу: стенала от боли мать Юговичей, стонали гусли от ран гайдуцких, стонали от оков рабских. Звенели от сабли Марковой¹ на поединках. Заходились от хохота вилы и русалки... А после последнего стиха эхо шептало, что они бессмертны... Я любил песню о Старом Вуядине². Мне казалось, что без его завета сыновьям наши люди не могут быть не только патриотами, но и вообще моральными людьми» (142).

Воспоминания Бабовича свидетельствуют также о том, насколько широко в жизни Югославии присутствовала русская культура, в том числе социалистическая, какое сильное влияние она оказывала в 1930-е гг. на формирование мировоззрения молодого поколения гимназистов, в том числе самого автора. Яркое впечатление произвели на него роман «Мать», «Буревестник» и «Песня о соколе» М. Горького. «Буревестник» читали на нелегальных комсомольских собраниях. «Мое поколение считало себя скоевцами³, или по крайней мере народной интеллигенцией... У нас было пренебрежительное отношение к государству и нашему историческому прошлому, к тем, кто не разделял наши взгляды». Это было большой несправедливостью и ошибкой, которую автор понял со временем, «я сегодня чувствую вину перед этими удивительными предками» (67), писал он, одержавшими победы в Первой мировой войне.

Второй том воспоминаний посвящен учебе на отделении славистики Белградского университета и профессиональной деятельности. Автор приводит много интересных фактов об университетской среде, о драматическом влиянии на судьбы ряда ученых и его собственную конфликт между Югославией и СССР. Политические репрессии 1948–1953 гг., прямо сказались на оценке, переводе и издании русской литературы в стране⁴. Особенно это касалось восприятия советской литературы XX в., в частности трактовки произведений М. Горького, М. Шолохова, Л. Леонова. Нормализация межгосударственных отношений (с 1955) открыла для Бабовича возможность бывать в России, окунуться в живую стихию русского языка, лично познакомиться со многими писателями (Л. Леоновым, А. Беком, Р. Рождественским и др.), посещать музеи и усадьбы русских писателей (Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, Ф. Тютчева). Все это помогало ему при переводе

¹ Имеется в виду герой южнославянского героического эпоса Марко Королевич.

² Песня «Старый Вуядин» – один из великолепных образцов «гайдуцкого эпоса» (гайдуки – защитники христианского населения Балкан во время османского ига). Гайдук, которого вместе с двумя сыновьями везут на мученическую казнь, призывает сыновей выдержать все страдания и не выдать соратников

³ Скоевац – член коммунистического союза молодежи Югославии.

⁴ По инициативе И.В. Сталина орган Коминтерна – Международное Информационное бюро коммунистических и рабочих партий – в июне 1948 г. принял резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии», содержащую критику ее руководства. Это стало причиной разрыва отношений с СССР. Восстановлены межгосударственные отношения были уже после смерти Сталина, в 1955 г. Внутри самой Югославии позиции коммунистов разделились: часть поддержала Тито, другая была за одобрение резолюции. Раскол в компартии Югославии сопровождался массовыми репрессиями. Противников линии Тито ссылали в лагерь или расстреливали.

произведений русской литературы. Например, перевод «Реквиема» Рождественского родился под впечатлением от личного знакомства с поэтом. «Осенью 1960 г. в Югославии находилась делегация советских писателей во главе с Максимом Рыльским, поэтом и переводчиком нашего народного эпоса. Мы организовали для них встречу с нашими студентами. Аудитория была набита битком... Самое яркое впечатление произвел на меня молодой поэт Роберт Рождественский. Коротко подстриженный, с какими-то вытаращенными от удивления глазами, крупными синеватыми губами и бородавками на лице. И имя у него было нерусское. Роберт прочитал отрывок из своей поэмы «Реквием»... После первых строк он стал заикаться и прервал чтение. Он был бледен, и когда пил воду из стакана, его рука дрожала... Потом он продолжил... “Слушайте, это мы говорим, / Мертвые”... Я весь вздрогнул от волнения. И, на удивление, сразу запомнил стихи. Мне немедленно захотелось их перевести, посмотреть, как они зазвучат по-сербски... Я поговорил с Рождественским, похвалил поэму и сказал о желании ее перевести. Обрадованный, он подарил мне тоненькую книжечку в черном переплете с буквами названия кровавого цвета. В тот же вечер я начал переводить. За несколько дней я закончил перевод всех пяти частей “Реквиема”... Все время у меня в голове звучали стихи Рождественского и перевод... я хотел максимально приблизиться к смыслу и ритму оригинала» (278).

Путь же к Шолохову и переводу «Тихого Дона» получился длинным и трудным. Интерес к писателю зародился у Бабовича еще в студенчестве. В 1957 г. Бабович опубликовал статью, в которой назвал Григория Мелехова трагическим героем, что для того времени было смелым и новаторским суждением. В дальнейшем он неоднократно писал о трагическом пафосе шолоховского романа. С Шолоховым Бабович, однако, лично увидеться не смог: он попал в Вешенскую только в мае 1990 г., когда великого писателя уже не было в живых. Прощаясь с шолоховскими местами, он написал: «Прощай, Вёшка! Я давно тебя помню. Сколько раз я написал твое имя и произнес его, представлял тебя. Чаше, чем Ясную Поляну. И какое-либо другое место моего паломничества в Россию. С сегодняшнего дня и ты знаешь меня. Остается в доме Шолохова мой “Тихий Дон”, мое слово. Я устал, но счастлив. Как паломник» (375).

Значительное место отведено встречам с Л. Леоновым, их беседам на философские темы, о понимании человеческой природы, ее воплощении в литературе. Составитель и редактор собрания сочинений Леонова, изданного в Белграде, Бабович больше других произведений этого автора ценил роман «Вор» и написал о нем большое исследование.

Встречи с известным российским славистом профессором филологического факультета Московского университета Н.И. Кравцовым обогатили Бабовича рассказами о Есенине и Маяковском, с которыми Н.И. Кравцов, посещавший в 1920-е гг. литературные вечера, был знаком. Дипломное сочинение Кравцова «Поэзия Есенина» поэт читал лично. Бабович из рассказа Кравцова узнал интересную деталь: оба поэта были «бессеребряниками» и помогали студентам – «давали им деньги» (294).

Важное место в мемуарах Бабовича отведено традиционным связям между Россией и южными славянами, где особая роль принадлежит выдающемуся поэту и мыслителю владыке Черногории П.П. Негошу. Во время посещения Александро-Невской Лавры Бабович пытался представить состояние Негоша, который был здесь за полтора века до него. «Я представлял себе, что великий и грустный владыка мог чувствовать. Лавра занимает большее пространство, чем все его Цетине!.. Как же он чувствовал себя посреди этих далей и широт, в могучей державе, в блеске столицы самой большой империи? Он, из нищей страны, маленькой, с непризнанными границами, независимость и жизнь которой постоянно в опасности. Виделся ему монастырь Черноевичей – символ черногорской судьбы: спиной прислоненный к скале, а грудью повернутый к ровному полю, откуда приходят набеги турецких орд... Наверное, владыка Раде дольше всего стоял перед Александром Невским. Тот был ближе всего ему по духу: великий князь, великий воин – и святой. Но прежде всего воин, который разбил тевтонцев и побил шведов. И защитил русскую землю. Представляю, как он с радостью и волнением читал текст молитвы Святому благоверному великому князю Александру Невскому...» (303)

Мемуары заканчиваются размышлением над событиями недавней истории, когда социализм потерпел крах как идеология и общественное устройство. По мнению Бабовича, было бы неправильно предать все с ним связанное забвению. «При всех бесспорных ошибках и недостатках, не подлежащих оправданию, если бы не было этого социализма, мальчишка из Будимля не увидел бы факультета, он не взошел бы на кафедру как профессор университета, не писал бы книги и во сне не мог бы мечтать стать академиком, не увидел бы Москвы, и не было бы сегодняшнего дня (11 октября 1991 г. – *А. Ш.*)... когда он с бьющимся сердцем и дрожащими от волнения руками делает запись в книге Почетных докторов Московского университета» (384). Это точка зрения человека отнюдь не обласканного властью, исключенного из компартии, претерпевшего за свой нелегкий нрав и резкий характер немало трудностей и лишений.

Приложение

Предлагается несколько отрывков из книги «Время и судьбы», рассказывающих о встречах партизана М. Бабовича с солдатами российской армии.

РУССКИЕ ВОШЛИ В КРУШЕВАЦ!

Верю, что не было партизана, который бы в те дни не думал о встрече с Красной Армией. Впереди нее шли ее славные победы под Сталинградом, Ленинградом, на Дону, на Курской дуге... Она наступала молниеносно – через Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию. К нам она подходила из Болгарии. Большинство ее ждало с нетерпением, ведь многие ощутили ярмо рабства; некоторые – со страхом. Мы ликовали. От радости даже чаще пели русские песни, чем наши. Почти каждый член партии и скоевац знал песню «Несокрушимая и легендарная...»

Сентябрьской ночью началось движение нашей бригады по направлению к Крушевцу, который занимали четники воеводы Кесеровича. Мы двигались тихо, освещенные лунным светом... Вдруг на дороге кто-то запел песню. Задержали крестьянина, который возвращался из города и кричал: «Русские вошли в Крушевац!» Он был выпивши и упорно твердил, что Крушевац освобожден. Его было хотели арестовать, но он сошел с арбы, сдернул брезент и показал полную повозку немецких ранцев и сапог, взятых со склада в Крушевце, когда население после отступления четников Кесеровича стало растаскивать их имущество.

– Берите, я это все вам привез! Счастьем своим клянусь! Ей-богу!

Мы быстро опустошили повозку. Крестьянина отпустили. Марш продолжили. Остановились переночевать в сельской школе, но вскоре подошел штаб бригады, и нам пришлось освободить помещения и переместиться во двор и сад возле школы.

Вдруг на дороге блеснули фары. А для нас фары значили – немцы! Мы мигом схватились за оружие, но из здания вышли Блажо Янкович, Милия Станишич и группа офицеров. Радомир Бурич крикнул: «Русские едут!»

Русские едут! У меня сердце подскочило в самое горло. В памяти возник поникший Михайло (Михайло Лалич – черногорский и сербский писатель, с которым Бабович дружил всю жизнь. – *А. Ш.*) и его грустная фраза: «Значит, русские не успевают первыми». Как бы он радовался этой ночью! Пришла «непобедимая и легендарная» Красная армия.

Такая долгожданная! Какие же у нее солдаты?

Автомобиль с дороги свернул во двор. При свете фар я увидел, как из него вышел офицер среднего роста. Сапоги пыльные, сумка на ремнях с картами почти до колен. За ним выскочили сопровождающие. Два парня в желтоватой форме с автоматами в руках.

Я был разочарован. Я представлял их себе намного романтичнее. Блажо обнялся с русским офицером, и это сильно меня растрогало. Слышались возгласы: «Братцы! Товарищи!» Михайло бы, наверное, меня упрекнул: «Что такое внешний вид? Как бы они ни выглядели, это они сломали Вермахт. И над каждым из них ореол славных побед над армией Паулюса и тысяча дней сопротивления Ленинграда. Моренного голодом, но не взятого, непобежденного. Разве может солдат шагать по полю боя в лакированных сапогах?!» Но, я думаю, что и он их себе иначе представлял...

Мы окружили сопровождающих. Старший – светлый, с веснушками, с выбритым круглым лицом, с тремя орденами на гимнастерке. Младший – стройный, рыжеволосый, курносый, с красивой улыбкой. Он со всеми здоровался за руку и повторял: «Братья славяне!» Старший, Ваня, два года не был в отпуске. Почта едва догоняет на марше их танковую дивизию, и у него часто неделями нет вестей из Орла о семье. Младший, Алеша, неженатый, и у него забот меньше – его семья на Урале. И у него есть медаль «За отвагу». Оба курят махорку. Мы угостили их яблоками и напоили свежей водой из колодца. Скоро их позвали на ужин.

Мы улеглись в саду.

– Теперь войне конец! – убежденно сказал Любо.

– Еще не конец, но победа будет точно, – пробормотал ворчливый Данило Малевич. Он был ближе к истине.

– А видели вы русские автоматы? Восемьдесят пуль в барабане! Представьте, когда их рота автоматчиков начнет стрельбу! Ничего живого не останется...

– Мне очень их медали понравились, – произнес из темноты Миомир.

Я упрекнул себя: никто не заметил поношенной формы и пыльных сапог. Только ты!

Меня охватило до тех пор незнакомое спокойствие. Сейчас мы вместе с самой сильной армией в мире. С Великой Россией, «у которой не может сила иссякнуть». С этих пор у немцев будут только поражения, а у нас – победы.

* * *

Немцы оставили Трстеник. Красная армия наступала по дороге, а наша дивизия параллельно ей, по правому берегу Западной Моравы. У села Врба русские напоролись на немецкий арьергард в здании железнодорожного вокзала и – погибли. Так началась битва за Кралево. В Врбе мы первый раз слышали «катюши». Наступили сумерки, и мы собирались отдохнуть, раскладывали сено на террасе крестьянского дома, когда я почувствовал, что у меня как будто подрагивают грудь и живот. Сначала Душан Иванов, а потом и другие сказали, что они тоже это почувствовали. В Кралево начало греметь и сверкать. Пламя взвивалось до неба. Катюши подожгли аэродром. Однако вошли мы в Кралево лишь через месяц ежедневных боев...

* * *

Под дождем мы двинулись на Кралево. Перед зданием железнодорожной станции Врба мы увидели незабываемую картину: во дворе, заросшем травой, семь желтых следов. От красноармейцев, погибших в первой атаке на Врбу. Наверное, их сегодня утром унесли и похоронили. Еще сохранились очертания их тел, так, как они упали от немецкой автоматной очереди, выпущенной с крыши здания станции. Падают Вани и Алеши вот так от Волги до Моравы! И дальше до самого Берлина. Штабы сообщают несчастным семьям, что они пали смертью храбрых за свободу братского народа... Есть ли утешение?

Мост на Ибре был разрушен. Ибар поднялся от дождей, мутный и бурный. Мы с большими усилиями заставили коней войти в воду, хотя они и хорошо плавают. Минометы и мины перенесли на спинах. На досках, которые инженеры положили, чтобы хоть как-то починить мост, была, по крайней мере, пядь жидкой желтой грязи от сапог русской пехоты, которая уже вошла в город. Наши ноги вязли в жиже, и если кто поскользнется – падает в реку полноводную и бурную, – неизбежная смерть. Когда мы, наконец, пере-

несли оружие и амуницию, то побежали ловить коней, которых вода отнесла далеко вниз по течению.

И – сюрприз: у церкви русские поют «Катюшу». Целая рота пела. Перед ней стоял черноволосый офицер, стройный и в чистом мундире, даже сапоги у него были чистые. Я подумал, легко ему организовать хор из народа, способного к музыке. Что бы он делал на Лукином месте? Часто повторялось слово Катюша. Сначала я подумал, что песня о знаменитом оружии, но быстро, даже при скудном знании языка, понял, что песня про девушку. «А любовь Катюша сбережет!» Второй офицер снимал поющих солдат.

Этот офицер был военным корреспондентом. Черноволосый, с коротенькими усиками и веселыми глазами. Он подошел и произнес: «Здравствуйте, герои! Поздравляю вас с победой!» Я заметил, что он выговаривает «р», как француз. Он фотографировал, как мы переносим минометы и ящики с минами.

Много лет спустя в квартире Сава Николича и Миры Алечкович¹ я встретился с Константином Симоновым. Он так был похож на того офицера-дирижера, что я не удержался и спросил, был ли он в сентябре 1944 года в Сербии. Симонов сказал, что он был в Крушевце, Кралеве и Чачке, а потом вернулся в Болгарию и улетел во Францию. Я объяснил ему, почему я об этом спрашиваю. Он удивил меня своей хорошей памятью, ведь он с Красной Армией прошел по многим странам. И он сказал:

– Я помню разрушенный мост и мутную реку. Офицер, который фотографировал, – это был мой друг, командир артиллерийского дивизиона, он хотел снимок на память, а у меня как военного корреспондента был фотоаппарат. Сначала я его снял, потом он меня. Я принял позу дирижера... – он улыбнулся. И в каждом слове я опять заметил его раскатистое «р».

Симонов чудесно пел той ночью. И компания была чудесная – Добрица Чосич, Стева Раичкович, Бранко Чопич, Десанка Максимович и Роксанда Негуш². Было что послушать!

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
докт. филол. наук
профессор
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова.

Alla G. Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

¹ Мира Алечкович – сербская писательница; Сава Николич – сербский художник и архитектор.

² Добрица Чосич, Стеван Раичкович, Бранко Чопич, Десанка Максимович – крупнейшие сербские писатели XX века. Роксанда Негуш – сербская писательница.